

Случилось это давно. Ещё в сентябре, когда мы только пошли в пятый класс. Тогда у меня было два лучших друга — обычно молчаливый, но умный Коля и весёлый, активный Саша. Дружили мы ещё с детского сада, а затем и в первый класс пошли вместе. С тех пор были мы не разлей вода, вплоть до начала средней школы.

А случай тот приключился со мной в конце первого учебного месяца. Тогда наша учительница объявила нам преужасное известие: пропал классный журнал пятого «А» класса, а вместе с ним и все оценки! А ведь на носу было родительское собрание!

Подозрение моих одноклассников в тот момент почему-то сразу же пало на меня. Все были уверены, что это я украл журнал, так как недавно по контрольной работе по математике получил два. Причём единственный из класса! Но только мой друг Коля не соглашался с этими утверждениями, рьяно доказываемыми другими, с уверенностью в голосе говоря при этом:

— Не мог Ваня такого сделать! Я его знаю! Даже если бы он и получил плохую отметку, то никогда бы не совершил настолько омерзительного поступка, как кража классного журнала!

Он говорил это так твёрдо, а в тоне его не проскальзывало и ноты сомнения, что всё ученики замолчали. А я был тогда так рад тому, что мне хоть кто-то верит! Таким облегчением для меня оказался этот голос, отстаивающий мою невиновность перед всеми, что я с благодарностью в глазах обернулся на Колю, серьёзно и нахмурено в данный момент смотрящего на других.

Саша же тогда тихо сидел за соседней партой, не говоря ни слова и вообще будто находясь не тут, а где-то далеко за пределами школы. Но это не мудрено, ведь он скоро должен будет поехать в другой город с родителями к бабушке. А если верить Саше, то у него он был путешественником, объездившим весь мир! И всегда, когда мальчик только приезжал к нему, то старик принимался рассказывать ему увлекательнейшие истории о своих странствиях.

С того самого момента все одноклассники стали меня избегать и демонстративно игнорировать, не поверив-таки в мою невиновность. Единственные, кто ещё разговаривал со мной, были Коля и Саша. И, конечно же, данный поступок дошёл и до моих родителей. Тогда-то и отхватил я по-настоящему.

Отец, по своей натуре бывший очень грубым и строгим, но прежде всего хорошим человеком, воспитывал во мне все самые лучшие качества, уча помогать, не лгать и, понятное дело, не воровать. Когда ему сказали: «Ваш сын украл классный журнал и не признаётся в этом», — его лицо заметно посуровело, густые брови вплотную сдвинулись к переносице, а на лбу заиграли отчётливые желваки. Такого позора он ещё никогда не испытывал. Мама же, более мягкая женщина, лишь как-то посерела лицом, губы её сомкнулись в тонкую полоску, а взгляд стал таким грустным, что на глаза невольно навернулись слёзы.

Когда мы пришли домой, отец бушевал, ища допущенные им ошибки в моём воспитании; гадал, когда же всё пошло не так, когда я решил, что так вести себя — нормально. Мама же направилась в соседнюю комнату — и в следующее мгновение за стеной слышались всхлипы и слёзы. А мне было так страшно, так больно, и вся спина и затылок мои напряглись, а волосы на теле встали дыбом. Всю ночь я после не спал, в напряжении размышляя, кто же мог быть тем, кто подставил меня.

Выяснилось это только после, когда однажды в выходные я зашёл вместе с Колей в гости к Саше. Тот проводил нас в свою комнату, а сам пошёл на кухню, чтобы налить нам чаю. Тогда мы с Колей разговорились про что-то и начали спорить. Разрешить нашу полемику могла только энциклопедия, которая, кстати, была в наличие у Саши. Потому мы с Колей и полезли в небольшой ящик стола, уже заведомо зная место нахождения заветной книжки. Та и вправду сразу же нашлась, как только мы открыли ящик. Но когда мы уже взяли массивную книгу, то обнаружили и другую, смутно знакомую. Завёрнутая в тёмно-бордовую обложку, она лежала на самом верху, а в центре её значилось на белой приклеенной бумажке чёрными печатными буквами: «Классный журнал 5 «А» класса».

Мы с Колей так и замерли, изумлённо выпучив глаза. А между тем в комнате появился Саша, громко скрипнув дверь. Мы обернулись на него, а он так и обомлел, увидев нас возле ящика.

А я только спросил осипшим голосом: — Зачем?

— Я хотел к бабушке очень сильно поехать, но родители сказали, что поедем мы только если у меня оценки по контрольным будут хорошие. А я по математике тогда три получил, — понурился виновато голову, выложил он всё.

— И потому украл журнал? Чтобы родители о тройке не узнали? — подал голос оторопевший Коля, явно не веря в происходящее.

— Да.

— Но ведь вместо тебя наказали Ваню! И ты на это так просто смотрел?! На то, как твоего друга ругают вместо тебя и презирают все! — у Коли на лице отразились все его негодование и гнев. Я впервые видел его таким.

Но у меня же в мыслях было только то, что он заставил мою мать плакать, а отца — краснеть от стыда перед людьми. И он знал об этом, но не признавался до последнего, словно поклявшись унести с собой правду навсегда. А я звал его другом, притом лучшим. Но как выяснилось, лучший друг у меня всё это время был только один. Обычно неразговорчивый, умный Коля, который сейчас выражал все эмоции за меня, будто переживая моё горе так же остро, как и я. *Настоящий* друг.